

Научная статья

УДК 398.22 (=512.1)

DOI 10.25205/2410-7883-2022-1-20-30

Мотив заточения на Луне в мировой и сибирской мифологии

Юлия Викторовна Лиморенко

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

limorenko.yulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8904-3629>

Аннотация

Исследуется семантика мотива заточения на Луне, представленного в мифологических нарративах народов Сибири и Дальнего Востока, на общемировом фоне. Рассмотрены причины, по которым Луна может восприниматься в мифологических традициях как место, откуда нельзя вернуться по своей воле. Перенесение на Луну означает пересечение границы между миром людей и небесами, что возможно только с помощью сверхъестественной силы. Показано, какие общие черты с традициями Европы и Азии сохраняют сибирские варианты мотива и в чем их отличия. Семантика мотива в его базовой форме включает субъект (агенса) – Луну и объект переноса (пациенса) – человека. В европейских вариантах место агенса часто занимает бог, а Луна становится локусом, куда отправляется преступник.

В сибирских вариантах нарративов о чудовищах, как правило, действуют два субъекта: Луна и существо, совершающее преступление, а также объекты – страдающие от чудовища люди. Сибирские варианты мотива, где Луна оскорблена или подвергается осмеянию, по семантике совпадают с базовым европейским мотивом. В этих вариантах частым признаком ситуации является вода: согласно верованиям многих народов Евразии, ходить по воду в лунную ночь означает подвергнуться сверхъестественной опасности, например, быть унесенным на Луну.

Делается вывод о том, что варианты мотива заточения на Луне, зафиксированные в сибирских традициях: у обских угров, самодийцев, тюркоязычных народов Южной Сибири, кетов и айнов, – распадаются на два типа. Один полностью совпадает по семантике с рядом европейских вариантов об оскорблении Луны, второй не имеет известных аналогов в других мифологических традициях и представляет собой уникальный южносибирский мотив.

Ключевые слова

мотив, Луна, лунарные мифы, человек на Луне, тюркская мифология, семантика мотива

Для цитирования

Лиморенко Ю. В. Мотив заточения на Луне в мировой и сибирской мифологии // Сюжетология и сюжетология. 2022. № 1. С. 20–30. DOI 10.25205/2410-7883-2022-1-20-30

© Лиморенко Ю. В., 2022

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2022. № 1. С. 20–30

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2022, no. 1, pp. 20–30

Motif of the Imprisonment on the Moon in World and Siberian Mythology

Yulia V. Limorenko

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
limorenko.yulia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8904-3629>

Abstract

This article investigates the semantics of the motif of imprisonment on the Moon, presented in the mythological narratives of the peoples of Siberia and the Far East, compared to the global background. Here are considered the reasons why the Moon can be perceived in mythological traditions as a place from which one cannot return of one's own will. Transferring to the Moon means crossing the border between the world of people and the Heaven, which is possible only with the help of a supernatural power. It is shown which features with the traditions of Europe and Asia are retained by the Siberian variants of the motif and what are their differences. The semantics of the motif in its basic form includes the Moon as subject (agent) and a person as an object of transfer (patient). In European versions, the place of the agent is often taken by the God, and the Moon becomes the locus where the criminal goes.

In Siberian versions of monster narratives, as a rule, there are the two subjects: the Moon and a creature committing a crime, as well as objects, the people suffering from a monster. The Siberian versions of the motif, where the Moon is insulted or ridiculed, coincide in semantics with the basic European motif. In these variants, water is a frequent sign of the situation: according to the beliefs of many peoples of Eurasia, walking for water on a Moonlit night means being exposed to supernatural danger, for example, being carried away to the Moon.

After investigating the variants of the motif of imprisonment on the Moon, recorded in the Siberian traditions: among the Ob Ugrians, Samoyeds, the Turkic-speaking peoples of Southern Siberia, the Kets and the Ainu it can be expected that all the motives fall into one of the two subcategories. One completely coincides in semantics with a number of European versions about insulting the Moon, as the second has no known analogues in other mythological traditions and is a unique South Siberian motif.

Keywords

motif, Moon, lunar myths, man on the Moon, Turkic mythology, motif semantics

For citation

Limorenko Yu. V. Motif of the Imprisonment on the Moon in World and Siberian Mythology. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2022, no. 1, pp. 20–30. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2022-1-20-30

Введение

При подготовке томов сказочной прозы тюркоязычных народов Сибири: алтайцев, тувинцев, хакасов [НПА, 2011; МЛПТ, 2010; НПХ, 2016], – среди текстов о светилах выделялись повествования о том, как Луна забирает с земли чудовище и уносит с собой. Близких аналогов этого сюжета выявить в сибирском ареале не удалось, однако он очевидно входит в подтип мотива «Человек на Луне», развивая его в специфическом ключе. При комментировании указанных текстов возникла необходимость выяснить, насколько мотив Луны как места заточения распространён в мировом фольклоре. Цель настоящей статьи – выделить в числе

мотивов «человек / существо на Луне» те, что связаны с насильственным помещением человека или другого существа на Луну и удержанием его там в заточении, а также сравнить сибирские варианты с вариантами из других регионов. В работе использовались сопоставительный и семантический методы изучения мотива.

Как показывает аналитический каталог Ю. Е. Берёзкина¹, мотив «Человек на Луне» встречается на всех материках, карта распространения мотива покрывает практически все населенные области. Число вариантов этого мотива не меньше нескольких сотен. Помимо вариантов, указанных в каталоге, автору настоящей статьи удалось найти еще 20 вариантов, зафиксированных в различных изданиях фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, от Западной Сибири до о. Сахалин.

На первом этапе нашего исследования из списка этих вариантов нужно было извлечь те, где персонаж помещен на Луну против его воли. Из всего огромного количества вариантов мотива, представленного в каталоге Берёзкина, 84 варианта относятся к мотивам о заточении на Луне. Еще 14 мотивов, не названных в каталоге, нам удалось разыскать среди сибирских текстов. Таким образом, общее число интересующих нас вариантов, записанных по миру, – около ста, что позволяет делать некоторые выводы о распространенности мотива и его семантике.

Прежде чем анализировать эту семантику, следует сказать несколько слов о том, почему Луна занимает важное место в традиционных представлениях разных народов по всему миру. Природа и суть лунарных культов хорошо изучена, поэтому нас в связи с выбранной темой интересует только один аспект лунарных представлений, а именно: почему поместить кого-нибудь на Луну – значит надежно изолировать его от мира людей?

Луна как сакральное и запретное пространство

Представления об особой роли Луны в жизни мира людей восходят не позднее чем к верхнему палеолиту [Бадер, 1978]; «Традиция поклонения луне восходит к глубокой древности – к лунному способу времяисчисления, является следствием почитания неба и связана с системой религиозно-мировоззренческих взглядов этноса» [Ваганова, 2013]. В мифологических представлениях многих народов Луне определенно отводится место в мире, сфере, слое небесных светил, отделенном от земли. Подобные представления известны и у многих народов Сибири. Так, у хакасов «...Солнце, Луна и звёзды расположены на сфере неба, это отдельный слой небес; Венера могла представляться на своём особом небе» [Бурнаков, Цыденова, 2012, с. 273]. Сходная картина существует у алтайцев: «Верхняя часть разрисованного бубна символизирует небесную сферу. Здесь нарисованы солнце и луна, различные созвездия и звезды (Плеяды, Венера и т. д.), радуги, Млечный Путь, священная береза (*бай каинг*) или другое “мировое” мифическое дерево...» [Дьяконова, 1978, с. 277]; «Местонахождение Ульгения – за небесными светилами, выше звезд небесных» [Каташ, 1978, с. 15; Ойроткинова, 2021б, с. 247].

¹ Берёзкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>

Элементы представлений о небесах и Луне у тунгусских народов прослеживаются с неолита: «На камнях имеются изображения вселенной с рисунками мирового древа, небосвода, солнца, луны и подземного озера» [Сем, 2012, с. 77]. Позднее эти представления получают развитие: «Сведения о строении небес у эвенков сильно варьируют: от 3 до 9 и даже 13 ярусов. По представлениям орочонов, верхний мир имел три яруса: нижний – сфера хозяйки священных родовых скал, второй – место перерождения душ на планете Венера и верхний – место планет и созвездий, во главе которых – бабушка Солнце, хозяйка времен года и подательница душ людей и зверей... Шаманы енисейских эвенков верхний мир представляли в виде 9 небес. Там живут верховные божества – творец мира и людей, хозяева стихий – солнце и луна, гром и другие небожители... Во время лечебного камлания шаман енисейских эвенков летит к божеству луны на 13-ю ступень неба...» [Там же, с. 90].

Отделенность Луны от земли известна у ненцев: «Уже существующую Вселенную ненцы представляли себе в виде нескольких миров, расположенных по вертикали один над другим... Они как одно целое поворачиваются над землей с прикрепленными к ним луной и солнцем» [Хомич, 1978, с. 18].

С отделенностью Луны от места обитания людей и с ее особой силой связано и представление о том, что в определенных обстоятельствах человек может оказаться во власти Луны, поэтому оскорблять, сердить Луну нельзя. Сюжет о человеке, который обидел Луну, выказал ей непочтение и за это был унесен ею, известен во всей Евразии, он отмечен и в аналитическом каталоге. Подробнее об этом сюжете будет сказано ниже.

При этом граница между земной сферой и сферой, где находится Луна, не была абсолютной: «Не существовало также непреодолимых препятствий к тому, чтобы попасть из мира земного в мир, который находился над нами» [Вдовин, 1978, с. 233–234].

Вследствие этого у некоторых народов получили распространение особые практики поведения по отношению к Луне: в лунные ночи вообще или в полнолуние. Так, «по хакасской традиции, увидев новую луну, люди троекратно кланялись ей» [Бурнаков, Цыденова, 2013, с. 273]. Известно много записей рассказов о том, как Луна уносила людей, отправившихся по воду в лунную ночь. Иногда злые родственники нарочно отправляли нелюбимого ребенка нарушать этот запрет, чтобы избавиться от него; подобные варианты приведены в аналитическом каталоге под индексом «А32Е. Персонаж с предметом в руках», предмет при этом обычно ведро или коромысло.

Оскорбить Луну можно было и поведением, и словами. Так, в каталоге представлены повествования о женщинах, которые показывали Луне зад и / или говорили, что их зад красивее, чем Луна. В некоторых вариантах оскорбитель показывал пальцем на Луну или хвастался, что Месяц усыхает, а он живет хорошо. Упоминаются сюжеты о том, что Луна забирает к себе за нарушение сакральных запретов или просто «за непристойное поведение» [Валеев, 1978, с. 329], но в чем конкретно выражалось это поведение и какие запреты были нарушены, указывается не всегда. У хакасов существуют конкретные представления о характере запретных действий по отношению к Луне: «По хакасской традиции ночью запрещалось плакать. Данное правило неукоснительно соблюдалось в отношении детей. Их предостерегали от этого рассказами о том, что плачущих малышей за-

бирает к себе луна» [Бурнаков, Цыденова, 2013, с. 275]. Даже простое указание рукой на Луну, а тем более показывание неприличного жеста могло вызвать гнев светила: «...лунной ночью девочка пошла за водой и показала светилу кукиш. Луна оскорбилась, тут же опустилась на землю и взяла ее с собой. В связи с чем, по хакасскому обычаю, запрещалось показывать рукой на луну» [Там же].

Разные фазы Луны не равнозначны с точки зрения влияния на жизнь человека. Так, молодой месяц в ряде культур считался благодетельным: «Завидев в первый раз новый месяц, кланялись и просили его, чтобы ниспослал во время своего правления счастье» [Ваганова, 1978, с. 94]. Запреты по отношению к Луне могут приобретать особенную значимость в полнолуние (см. Лунарные мифы в [МНМ, 1994, с. 80]).

Как уже говорилось, Луна находится вне пределов земной сферы – на небе (иногда на третьем, седьмом, девятом слое неба), поэтому пересечь границу земного мира по направлению к Луне можно только с помощью сверхъестественной силы – чаще всего властью самой Луны, иногда волей бога. Известные варианты этого мотива, где на Луну отправляется шаман по своей воле; но шаман пользуется помощью духов, эта сила также не человеческая. Можно сделать вывод о том, что тот, кого Луна забирает к себе, не волен вернуться назад, на землю, поскольку не обладает нужными для этого сверхъестественными силами. Именно поэтому заточение виновника преступлений на Луне так действенно: он не способен самостоятельно освободиться и пересечь границу мира людей в обратном направлении.

Европейские и азиатские варианты мотива: сходства и различия

Далее мы рассматриваем варианты мотива, зафиксированные в Европе и в Сибири, в силу их большего количества, это дает материал для сравнения. Записи из Африки и Америки малочисленны. Логика события, лежащего в основе мотива, во всех регионах одинакова: человек или иное существо чем-то нарушает установленный порядок вещей и переносится на Луну. В 34 европейских вариантах карающей стороной выступает бог: он приговаривает к заключению тех, кто нарушает заповеди (например, воров), неписанные законы (например, закон гостеприимства), церковные установления (например, запрет работать ночью или в церковный праздник), а также лентяев. Шесть вариантов из этих 34 указывают, что заточенный на Луне грешник – это Каин; иногда рядом с ним находится убитый Авель или только его голова как свидетельство преступления. В числе вариантов, называющих бога как причину заточения на Луне, польские варианты называют чернокнижника и колдуна пана Твардовского. Более распространенный вариант легенды о Твардовском говорит, что он подвешен до Страшного Суда между небом и землей, а не на Луне [БЭ, 1901, с. 703]. В аналитическом каталоге также приводятся три арабских варианта мотива, где решение о помещении преступника на Луну принимает бог. В одном случае женщина наказана за нарушение

ние религиозного запрета (работать в праздник), еще в двух – за то, что подтерла зад ребенка хлебом².

Небольшое число европейских вариантов не называет бога как субъекта вынесения приговора: грешник или нарушитель закона просто попадает на Луну, но кто отправил его туда, в текстах не уточняется; в ряде вариантов сказано, что виновного забрала Луна, т. е. она выступает как субъект исполнения приговора. Прямой связи между богом и Луной тексты не дают; поскольку известны варианты того же мотива, где бог не упоминается, очевидно, что это сущность вторичная по отношению к мотиву. В одних и тех же традициях встречаются варианты как с упоминанием, так и без упоминания бога. В вариантах, где бог не назван напрямую, на Луну попадают в основном воры и те, кто оскорбляет Луну / Месяц.

Интересно отметить, что во всех европейских и большей части азиатских вариантов на Луну попадают люди, и только тюркские тексты показывают нечеловеческого персонажа: Челбегена, мангыса, людоеда, великана. Обнаруженные нами и приведенные в аналитическом каталоге сибирские варианты не упоминают бога в качестве актанта мотива. Человек или иное существо, унесенное на Луну, оказалось там или по воле самой Луны, или по совместному решению Луны и Солнца, или по совету Солнца. Разные варианты мотива заточения на Луне на территории Сибири и Дальнего Востока обнаружены у айнов, алтайцев, кетов, южных селькупов, сибирских татар, тофаларов, тувинцев, хакасов, хантов. У тюркских вариантов есть несколько общих черт, которые отличают их от вариантов остальных традиций.

Два вида заточения на Луне

Наблюдения над вариантами мотива показывают, что они четко делятся на два типа: в одном случае персонаж унесен на Луну в наказание за единожды совершенные деяния (таковы почти все варианты о людях, наказанных богом, в том числе варианты о Каине), а в другом Луна забирает персонажа, чтобы прекратить его злобные дела и не допустить дальнейшего вреда. К последним относятся все варианты, где на Луну попадает чудовище: Челбеген / Дьелбеген, мангыс, великан, – хотя не только они.

Для случая *нарушения традиции или религиозного запрета*, а также *оскорбления Луны* отношения в рамках мотива развиваются только между человеком и богом / Луной. Там, где актантом является бог, Луна не имеет субъектности, это просто особый локус в небесах. Там, где бога нет, Луна сама является актантом. Другие актанты присутствуют в ситуации несколько реже. Назначение перемещения на Луну в этом случае – *наказание*. Нарушить запрет или нанести оскорбление достаточно один раз, такое преступление может и не иметь продолжения.

Семантика мотива в этом варианте может быть представлена в двух видах.

1. Луна забирает

1. Агенс – Луна. Обнаруживает нарушение, совершённое пациентом, и принимает решение забрать его.

² Мотив подобного нарушения обычаев известен также сибирским народам (см., например: [НПА, 2011, с. 86–89]). Но наказанием в этом случае служит не помещение на Луну, а неурожай.

2. Пациенс – человек, нарушитель запрета, обычая, закона.

II. Бог приговаривает

1. Агенс – бог. Обнаруживает нарушение, совершённое пациенсом, и принимает решение заточить его на Луне.

2. Пациенс – человек, нарушитель запрета, обычая, закона.

3. Локус – Луна, куда отправлен нарушитель.

Расширенная семантика возникает за счет вторичных агентов и возможна в обеих ситуациях. Обычно это свидетели преступления: старушка, которая увидела, как вор крадет капусту; девушка, ведущая себя правильно (в отличие от девушки – нарушительницы запрета).

В случае, когда тот, кого перенесут на Луну, совершает злодеяния, наносящие прямой вред, назначение перемещения его на Луну – *удержание от совершения новых злодеяний, прекращение вреда*. Здесь схема мотива всегда другая.

I. Первый агент – Луна.

II. Второй агент – человек или чудовище: тот, кто совершает злодеяние.

III. Пациенсы – те, кто страдает от злодеяния (люди, звери, земля).

В подобных случаях Луна – всегда активное начало, а не локус.

В сибирских вариантах мотива иногда добавляются третий агент и четвертый агент. *Третий агент – Солнце*. Оно советует Луне забрать вредителя или пытается само унести его. Но, когда Солнце приближается к земле, там начинаются катастрофы – оно слишком горячее; Луна – единственное светило, которое может осуществить спасение мира. *Четвёртый агент – верховное божество (Кудай, бурган)*, которое просит светила спасти землю от чудовища.

Сибирские варианты мотива: «сохнувший» Месяц и людоед на Луне

Рассмотрев семантику мотива заточения на Луне, обратимся к его сибирским вариантам. Как показывают данные аналитического каталога, вариант о заточении на Луне человека или существа, враждебного людям, специфичен именно для Сибири. Среди вариантов, зафиксированных на территории Сибири, можно выделить следующие.

1. *Луна забирает того, кто ее оскорбляет или дразнит*. Второй агент (мужчина, девушка, ребенок) хвастается перед Луной, что она «сохнет» (имеется в виду фаза убывания луны), а человек живет хорошо; иногда указывается, что он хорошо ест, поэтому «не сохнет». Оскорбление Луны может состоять в показывании пальцем или дополняться этим жестом. Иногда грех человека состоит в том, что он считает Луну ленивой: она всё время лежит, а ему приходится работать. Названные варианты зафиксированы у южных селькупов, кетов, восточных хантов, айнов, причем айнские наиболее многочисленны³. В большинстве этих вариантов (16 из 21) второй агент попадает на Луну в то время, когда идет за водой, поэтому упоминается, что он находится на Луне с ведрами и / или коромыслом. Связь Луны и похода за водой отмечена не только в сибирских, но и в европейских вариантах; в обоих случаях ходить по воду ночью при луне считается нежелательным

³ Берёзкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация... URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>

и даже опасным, хотя само по себе это не является оскорблением Луны. В ряде вариантов посланный за водой не хочет работать, ленится, за это Луна забирает его. За пределами Сибири такой вариант отмечен на о. Окинава.

2. *Луна забирает чудовище*. Второй агент в вариантах этого типа – чудовищное существо, не человек, а мангыс (у тувинцев), людоед Челбеген / Дьелбеген (у алтайцев, хакасов, телеутов), великан (у тофаларов). Чаще всего чудовище опасно тем, что ест людей вообще, иногда – детей, отчего земля пустеет. Варианты этого мотива у алтайцев подробно описывает Н. Р. Ойноткинова [2021а, с. 369–374]. В одном из тувинских вариантов [МЛПТ, 2010, с. 46–49] мангыс выпивает живую воду, которая должна была сделать людей бессмертными, покушаясь не только на жизнь людей, но и на волю творца-бургана. Во многих тюркских вариантах отмечается, что унесенное на Луну чудовище виднеется там, иногда вместе с деревом или кустом, за которые оно хваталось, чтобы удержаться на земле. Этим объясняется происхождение лунных пятен.

За пределами южносибирского региона пока не удалось найти записей вариантов мотива, в которых на Луне было бы заточено чудовище.

Заключение

Мотив «Человек на Луне» относится к числу наиболее распространенных мировых мифологических мотивов (по данным аналитического каталога Ю. Е. Берёзкина). Среди значительного числа (около ста) вариантов мотива заточения на Луне сибирские варианты выделяются преобладанием двух причин заточения персонажа: оскорбление Луны и злодеяния на земле, в основном связанные с поеданием людей. За пределами сибирского региона варианты первого типа встречаются сравнительно нечасто, второго типа – не встречаются вообще. Вопрос о бытовании общемировых мифологических мотивов в сибирских традициях – один из актуальных вопросов фольклористики, его изучение дает интересные статистические результаты.

Список литературы

- Бадер О. Н.* Элементы культа светил в палеолите // Древняя Русь и славяне / Отв. ред. Т. В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 40–46.
- Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц.* Традиционные астральные воззрения хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 7: Археология и этнография. С. 270–278.
- Бурнаков В. А., Цыденова Д. Ц.* Луна в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 3: Археология и этнография. С. 267–279.
- БЭ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб.: 1901. Т. XXXIIа (64): Тай – Термиты.
- Ваганова Е. Н.* Культ луны в религиозных верованиях мордовского народа // Финно-угорский мир. 2013. № 1. С. 94–99.
- Валеев Ф. Т.* О религиозных представлениях западносибирских татар // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая

половина XIX – начало XX в.) / Отв. ред. И. С. Вдовин. Л.: Наука, 1978. С. 320 – 331.

Вдовин И. С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) / Отв. ред. И. С. Вдовин. Л.: Наука, 1978. С. 217–253.

Дьяконова В. П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) / Отв. ред. И. С. Вдовин. Л.: Наука, 1978. С. 268–291.

Каташ С. С. Мифы, легенды Горного Алтая (мифы, легенды, предания, благопожелания) / Под ред. Х. Г. Короглы. Горно-Алтайск, Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва. 1978. 112 с.

МНМ – Мифы народов мира. Энцикл.: В 2 т. 2-е изд. М.: Рос. энциклопедия, 1994. Т. 2: К–Я. 721 с.

МЛПТ – Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 28)

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойроткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30)

НПХ – Несказочная проза хакасов / Сост. В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко и др. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34)

Ойроткинова Н. Р. Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, сюжеты, мотивы. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021а. 622 с.

Ойроткинова Н. Р. Мифологический словарь алтайцев. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021б. 600 с.

Сем Т. Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи). Историко-этнографические очерки. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2012. 626 с. (Varia Ethnografica)

Хомич Л. В. Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) / Отв. ред. И. С. Вдовин. Л.: Наука, 1978. С. 17–30.

References

Bader O. N. Elementy kul'ta svetil v paleolite [Elements of the cult of the luminaries in the Paleolithic]. In: Nikolaeva T. V. (ed.). Drevnyaya Rus' i slavyane [Ancient Russia and the Slavs]. Moscow, Nauka, 1978, pp. 40–46. (in Russ.)

Burnakov V. A., Tsydenova D. Ts. Traditsionnye astral'nye vozzreniya khakasov [Traditional astral viewpoints of the Khakasses]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 270–278. (in Russ.)

Burnakov V. A., Tsydenova D. Ts. Luna v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [The Moon in the traditional worldview of the Khakasses]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 267–279. (in Russ.)

Dyakonova V. P. Religioznye predstavleniya altaytsev i tuvintsev o prirode i cheloveke [Religious viewpoints of the Altaians and Tuvans about nature and man]. In: Vdovin I. S. (ed.). *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Nature and Man in the religious viewpoints of the peoples of Siberia and the North (second half of the 19th – early 20th century)]. Leningrad, Nauka, 1978, pp. 268–291. (in Russ.)

Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. In 86 vols (82 vols and 4 additional). St. Petersburg, 1901, vol. XXXIIa (64): Tay – Termity. (in Russ.)

Katash S. S. Mify, legendy Gornogo Altaya (mify, legendy, predaniya, blagopozhelaniya) [Myths, legends of Gorny Altai (myths, legends, legends, good wishes)]. Ed. by Kh. G. Korogly. Gorno-Altaysk, Department of Altay Book Publishing House, 1978, 112 p. (in Russ.)

Khomich L. V. Predstavleniya nentsev o prirode i cheloveke [Viewpoints of Nenets about Nature and Man]. In: Vdovin I. S. (ed.). *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Nature and Man in the religious viewpoints of the peoples of Siberia and the North (second half of the 19th – early 20th century)] Leningrad, Nauka, 1978, pp. 17–30. (in Russ.)

Mify narodov mira. Entsikl. [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. In 2 vols. 2nd ed. Moscow, Rossiyskaya entsiklopediya, 1994, vol. 2: K–Ya, 721 p. (in Russ.)

Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, Legends, Historical Legends of Tuvans]. Comp. by N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, Zh. M. Yusha. Novosibirsk, Nauka, 2010, 372 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 28) (in Tuv., Russ.)

Neskazochnaya proza altaytsev [Non-fairytale Prose of Altaians]. Comp. by N. R. Oynotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamaeva. Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 30) (in Alt., Russ.)

Neskazochnaya proza khakasov [Non-fairytale Prose of Khakasses]. Comp. by V. V. Mindibekova, G. B. Sychenko et al. Novosibirsk, Nauka, 2016, 540 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 34) (in Khak., Russ.)

Oynotkinova N. R. Mifologicheskaya kartina mira altaytsev: kontsepty, syuzhety, motivy [The Mythological Worldview of Altaians: Concepts, Plots, Motives]. Novosibirsk, NSU Press, 2021, 622 p. (in Russ.)

Oynotkinova N. R. Mifologicheskii slovar' altaytsev [Mythological Dictionary of Altaians]. Novosibirsk, NSU Press, 2021, 600 p. (in Alt., Russ.)

Sem T. Yu. Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i etnokul'turnye svyazi). Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Worldview of Tungus: Pantheon (Semantics of Images and the Ethno-cultural Connections). Historical and ethnographic essays]. St. Petersburg, Faculty of Philology of the St. Petersburg State University, 2012, 626 p. (Varia Ethnografica) (in Russ.)

Vaganova E. N. Kul't luny v religioznykh verovaniyakh mordovskogo naroda [The cult of the Moon in the religious beliefs of the Mordovian people]. *Finno-Ugric world*, 2013, no. 1, pp. 94–99. (in Russ.)

Valeev F. T. O religioznykh predstavleniyakh zapadnosibirskikh tatar [On the religious viewpoints of the West Siberian Tatars]. In: Vdovin I. S. (ed.). *Priroda i chelovek*

Сюжет в литературе и фольклоре

v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Nature and Man in the religious viewpoints of the peoples of Siberia and the North (second half of the 19th – early 20th century)]. Leningrad, Nauka, 1978, pp. 320–331. (in Russ.)

Vdovin I. S. Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh chukchey [Nature and Man in the religious viewpoints of the Chukchi]. In: Vdovin I. S. (ed.). Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Nature and Man in the religious viewpoints of the peoples of Siberia and the North (second half of the 19th – early 20th century)]. Leningrad, Nauka, 1978, pp. 217–253. (in Russ.)

Информация об авторе

Юлия Викторовна Лиморенко, кандидат филологических наук

Information about the Author

Yulia V. Limorenko, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 28.04.2022;
одобрена после рецензирования 12.06.2022; принята к публикации 12.06.2022
The article was submitted 28.04.2022;
approved after reviewing 12.06.2022; accepted for publication 12.06.2022*